

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий
Фокс

ПРО БРАТЬЕВ МЕНЬШИХ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 19. Про братьев меньших
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 19

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11963592
Полное собрание сочинений. Том 19. Про братьев меньших:
«Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-895-2

Аннотация

В новом томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, обозревателя «Комсомольской правды», мы вместе с мастером в его рубрике «Окно в природу» как бы побываем на фотоуроке и убедимся, что для удивительных открытий необязательно ехать за тридевять земель. Иногда достаточно просто прогуляться по двору, чтобы заново открыть для себя удивительный мир окружающих нас животных.

Содержание

Предисловие	6
1994	11
Камешек в клюве	11
Коршуны-горожане	17
Птица в сорочке	25
Отчего медведь пляшет	31
Слезы по крокодилу	38
Зима без полетов	44
Млечные тайны	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 19.

Про братьев меньших 1994-1996

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Человек – часть живой природы Земли, и все законы природы на него тоже распространяются. Суждено ли человеку безнаказанно и безгранично на Земле распространяться? Вряд ли. Неизбежно с грозной силой проявят себя экологические проблемы, которые, умножаясь и жаждая потребительства, человеческий род плодит с устрашающей силой. Да и болезни... Обуздал человек оспу, не слышно давно о чуме, но возвращается устоявший перед антибиотиками туберкулез, реален и уже действует голод, повышаются стрессы, появилось нечто с названием СПИД, заговорили о вирусе еще более страшном. И нет ли

в жилетном кармане Природы еще какой-нибудь «мелочи», какого-нибудь эффективного средства обуздать растущую численность «господина всего живого».

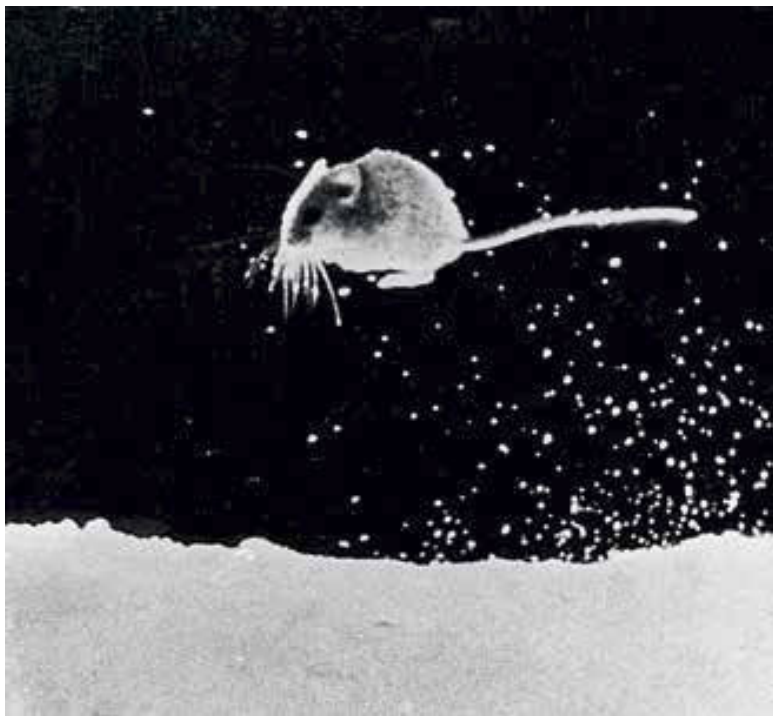
В. Песков

Предисловие

Пока мы делаем собрание сочинений Василия Михайловича Пескова, его внук Дмитрий приносит в редакцию фотографии из архива деда. Архив большой, Дмитрий носит очередную порцию в рюкзаке – в руках не удержишь. У редкого фотографа набирается столько фото за свою жизнь. А вот у Василия Михайловича – набралось. Понятно, что приличную часть иллюстраций для своих заметок он собирал повсюду. Но, обратите внимание, сколько материалов в книгах помечено: фото автора.

Фотограф он был, конечно, отменный. Немного мы уже эту тему затрагивали. Но не касались одной ее стороны: он каким-то невообразимым образом умел в совершенно обыденном увидеть невероятное. Что бы ни снимал – от таракана до охоты с орлом, всегда получалось увлекательно.

Например, его знаменитый кадр – мышонок, выпрыгивающий из-под снега. Не верится, что снял его Василий Михайлович в чистом поле, когда с приятелем шел на лыжах. Попросил того, заметив следы мышинной норки, притопнуть лыжей по насту. И не ошибся: из-под снега как пробка из бутылки шампанского вылетел мышонок! И никакой тебе компьютерной графики! Пленоч-

ный фотоаппарат. Поле. Зима.

Сейчас понимаешь, как жаль, что никто не догадался попросить Василия Михайловича дать несколько мастер-классов фотографии.

Однако один из его рецептов того, как можно попробовать увидеть мир вокруг себя, – отыскался. Когда будете читать этот том, задержитесь на фотографиях и вспомните рассказ Пескова:

«И теперь о фотографах. Сегодня их много. Сто пятьдесят лет назад, когда фотография появилась, сразу же появились и люди, в нее влюбленные. Это были энтузиасты, носившие с собой не только громоздкие «сундуки» фотокамер, но и целые лаборатории – стеклянные фотопластинки обрабатывались на месте. Нетрудно представить, каково было первым открывателям мира с помощью фотографии. Как далеко ушла техника с тех времен! Сегодня изящная любительская фотокамера умещается в кармане, в дамской сумочке. Она сама определяет выдержку, наводит на резкость. Катушка цветной фотопленки для этой «мыльницы» (36 кадров!) чуть толще тюбика губной помады. Снимай – не хочу!

Снимающих много. Немного – умеющих снимать хорошо. Для хорошего снимка важно кнопку нажать в нужный момент – не раньше, не позже, надо иметь некоторые представления о композиции, иметь настойчивость, терпение, вкус, то есть умение нужного выбора,

и обладать еще чувством прекрасного.

Есть и еще одно качество, очень важное для фотографа. Он должен быть человеком.

Ощущение прожитой жизни дают человеку воспоминанья. Поводов к ним очень много: приехал в знакомое место, встретил друга, разложил пожелтевшие письма. Сильнее всего будят воспоминания снимки. Они всегда под рукой и очень сильны в пробуждении пережитого. Фотографии сегодня сопровождают человека от колыбели и до прощания с жизнью. Вот ты видишь себя карапузом, во времени, которое память не сохранила. А вот событие, которое помнишь: деревенский пожар. Снимал не ты, но помнишь, что это было. И снимок все воскрешает – суматоха, крики, плач, вихри огня над соломенной кровлей. А вот первый раз плывешь ты на лодке. Вот с другом идешь по грибы. Первый день в школе. А вот уже общий снимок – выпускной класс. Разглядываешь лица друзей, девчонок, по которым вздыхали, старушку учительницу.

Фотограф оком любознательным должен, подобно ребенку, видеть все интересное и не уставать удивляться. Хорошими фотографиями, как правило, становятся не воспитанники каких-то студий; фотографы учатся друг у друга, учатся, посещая фотовыставки, картинные галереи, бывая в природе (лучший учитель!), читая хорошие книги. И к этому обязательно должно быть

приложено ваше восприятие мира.

Открывать мир можно, отправляясь на край света, но успех достигается и в людном городе, и за околицей деревеньки, во дворе дома, даже в комнате, когда наблюдаешь за игрой света в привычных для глаза предметах. Главное, обретая знания и набираясь мудрости жизни, сберечь в себе чувство ребенка, глядящего на мир с удивлением открывателя».

Ключевые слова здесь, конечно, смотреть на мир «с удивлением открывателя». Василий Михайлович этого умения удивляться не растерял за всю жизнь. Поэтому нас совершенно завораживают его рассказы в подшивках «Комсомолки» за любой год.

Это как с картинами и книгами. Они становятся классикой, когда начинают жить самостоятельно вне времени и интересны всем – и дедам, и внукам, сколько бы разным ни был мир разных поколений.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1994

Камешек в клюве

Окно в природу

В ловушку или капкан для приманки кладут еду. И я очень удивился, когда в Окском заповеднике мне показали ловушку для глухарей. Ловушка, сработанная из круглых полешков, стояла на лесной дороге. Ее намеренно поместили на видном месте. И приманкой для глухарей служили... камешки – речная галька. Ничто другое лесную птицу не привлекает. Корма для глухаря, поедающего хвою, сколько угодно. Но корм этот грубый. Зубов измельчать его у птицы нет. И природа нашла выход. Корм в мускулистом желудке перемалывается «жерновами», их надо время от времени пополнять. Поэтому глухари летают на речные галечные места, знают обрывистые овраги, где можно разжиться камешками, прилетают на железнодорожное полотно.

И глухари – не единственные, кому надобны «жернова». За камешками охотятся куры. Мелкие птицы клюют песчинки. А ныряльщики-утки на озерах, где охотничьей дро-

бью выстлано дно, принимают ее за камешки. Свинцовые «жернова» неэффективны – быстро стираются. Но главное, ядовиты. Американские биологи провели исследования этой проблемы. В результате в некоторых штатах принят закон, запрещающий использовать свинцовую дробь, взамен ее рекомендована стальная. Охотники не очень довольны – новая дробь легковата и быстро изнашивает ружейные стволы.

Глотают довольно большие камни крокодилы. Тут, как считают, дело не в пищеварении. По мнению зоологов, крокодилам нужен балласт, составляющий примерно сотую часть их веса. Без балласта крокодил не может лежать на дне потока, его снесет.

А вот как камни используют другие животные. На этом снимке вы видите африканских стервятников. В клювах у них по камню. Зачем? Разбить страусиное яйцо. Добыча, обнаруженная сверху в саванне, лакомая, но клюв у стервятника слабый, толстую скорлупу расколоть им нельзя. И вот стервятники приспособились – раз за разом кидают на яйцо камень, и оно в конце концов треснет. Биологов долго занимал вопрос: этот навык молодые стервятники получают, обучаясь у взрослых, или, рождаясь, они уже знают, что надо делать, увидев яйцо? Опыты показали: птенец, выращенный в изоляции, увидев страусиное яйцо, начинает искать камень. Значит, разбиванье яиц занятие не случайное, древнее, занесенное в генетическую память.

И в некоторых других случаях камни служат животным орудием и оружием. На Аляске, проплывая в заливе Принца Уильяма, с катера мы наблюдали каланов, лежавших на воде в очень занятных позах. У некоторых на животе лежали камни, о которые эти морские выдры разбивают ракушки. Нам с катера не удалось проследить за этой работой, но американские биологи пишут: «Камень калан бережет. Нырять за очередной ракушкой, он держит его в лапе».

Шимпанзе использует камни как метательное оружие. Я наблюдал это в экспериментах, проводимых ленинградским приматологом Леонидом Александровичем Фирсовым. Самец шимпанзе, протестовавший против нашей высадки на маленький «обезьяний остров», сначала возбужденно протестуя бегал по кромке берега, потом начал запускать в нас камни. Похожую картину наблюдал я недавно в зоопарке города Дели. Обезьяны везде собирают много людей. Но тут возле просторной территории, окруженной рвом и барьером, возбужденно гудела тысячная толпа. Что происходит? Приблизившись, я увидел: две шимпанзе, то ли забавляясь, то ли «заведенные» жаждущей зрелища массой людей, разбегаясь, кидали в толпу палки и камни. Иногда броски эти достигали цели – кто-то вылезал из толпы окровавленным. Но, поразительно, это привлекало к обезьяннику еще больше людей.

Не могу поручиться за достоверность (возможно, это ле-

генда), но я несколько раз слышал на Севере этот рассказ. «Гусиные стаи, делая остановки, обязательно выставят сторожей. Все кормятся или спят, а несколько гусakov бдительно наблюдают: нет ли опасности? Чтобы не задремать, сторож берет в клюв камешек. Выронив его, он немедленно просыпается».

В заключение о камнях – строительном материале. Императорские пингвины выводят своих птенцов в самое лютое время. Гнезд эти птицы не строят. Единственное яйцо, прикрытое животом, покоится на лапах. С этой ношей пингвины кое-как передвигаются, ни на секунду не отдавая ее морозу, и так выводят птенцов. В отличие от императорских, пингвины адели появляются в Антарктиде весной, в ноябре – декабре. (Ошибки нет, в Антарктиде все «кверху ногами».) И делают гнезда. Единственный строительный материал для гнезд тут – камни, да и те еще надо найти. И вот наблюдаешь: два яичка лежат в бордюре из камешков, и самка на них прилежно сидит. Самец в это время занят уморительным, с точки зрения наблюдателя, делом – воровским способом добывает для возлюбленной новые камни. Он идет по колонии с независимым видом – «прогуливаюсь, только и всего». Но стоит ему заметить, что сосед зазевался, хватается из гнезда его камень и убегает – скорее преподнести его даме сердца. Ему невдомек: таким же образом камни уносят и у него из гнезда. Всеобщая воровня! Самки сидят неподвижно. А джентльмены в белых манишках все поголовно заня-

ты добыванием драгоценностей. В целом в колонии этих камешков не убывает, они просто кочуют от гнезда к гнезду. Никаких драк из-за них, все по закону, все при деле, и все довольны...

А «камень за пазухой» – изобретение человеческое.

● **Фото из архива В. Пескова. 28 января 1994 г.**

Коршуны-горожане

Окно в природу

Сразу скажем: такой снимок можно сделать лишь в Дели. Ничего страшного не происходит. Просто с работником русского научно-культурного центра Шерзодом Гузаировым мы поднялись на крышу дома покормить коршунов. Не все, что происходило в этот момент, попало на снимок...

Коршун – птица известная и нередкая. Живет по всему Старому Свету, исключая лишь Сахару и тундру. У нас с коршуном путают многих птиц – канюка, ястреба, осоеда. Спутать легко. Но легко в полете и различить – у коршуна раздвоенный вилочкой хвост. Недобрым словом коршуна поминают, когда со двора исчезает цыпленок. Коршун ворует. Однако чаще это делает ястреб, действующий исподтишка, из засады. А коршун долго кружится над двором, высматривает. Он всегда на виду. На него и вешают воровство. Пушкин писал даже: «...бьется лебедь средь зыбей, коршун носится над ней». Нет, на лебедя коршун напасть не может. Его добыча в лучшем случае утка, да и то раненая, ослабшая или же вовсе мертвая – не брезгует. В основном же коршунам достается всякая мелкота – птенцы, мыши, ящерицы, лягушки, рыбешка (чаще всего снулая). Деятельным охот-

ником птицу не назовешь. Это скорее собиратель и обиратель: заметит, летит с добычей скопа – будет ее преследовать до тех пор, пока она не бросит нередко с трудом добытую рыбу. Коршун проявляет в этот момент чудеса пилотажа – на лету хватает добычу. Нахлебничество побуждает коршуна преследовать даже благородного быстрого сокола. Он тоже уступает разбойнику, предпочитая начать все сначала.

Шерзод Гузаиров и коршуны.

Всеядность и нахальство коршуна давно замечены. Во время уборки сена коршуны ухитряются таскать еду от костра у косцов. Причем хватают не только мясо, но также и хлеб. (Для скопы, сокола, даже мышееда-канюка это не пища.) Описан случай, когда живший в неволе коршун, забы-

вая о мясе, прогонял кошку (жила с коршуном в одной клетке) и поглощал приготовленное для нее молоко с хлебом и так пристрастился к этой еде, что мясо для него перестало существовать.

Коршун – птица достаточно осторожная. И все же она лучше других хищников, не считая, возможно, лишь пустельги, приспосабливается к близости человека.

* * *

Собираясь в Индию, я два вечера просидел с орнитологом Владимиром Галушиным. На вопрос – что я увижу, на что обратить внимание? – Владимир, живший в Индии более четырех лет, сказал: «Коршуны! Они поразят тебя в Дели».

Дели, как никакой другой город в мире, богат животными. Особо следует рассказать о коровах, живущих в городе среди машин и потоков людей, о макаках, вымогающих еду, не дашь – отнимут. Запомнились большие стаи попугаев, прилетающие на ночлег в парки, и стаи летучих лисиц-крыланов, днем висящих на деревьях вниз головой, а в сумерки улетающих на ночную вегетарианскую охоту в сады и парки. В Дели всюду, где есть вода, увидишь цапель, уток и зимородков. На большие деревья в парки слетаются ночевать грифы. Утром истошным криком тебя разбудят майны. Но в это же время услышишь нежную, почти соловьиную песню нарядной маленькой птички бюль-бюль, а днем, в жару,

так же как где-нибудь под Воронежем, слышен стон горлицы. На пустырях перед глазами на мгновение может явиться мангуста, и, наверное, по численности могут сравниться с людьми пальмовые белочки – зверьки, очень похожие на бурундуков, небоязливые, вездесущие.

Но, конечно, главная зоологическая примечательность города – коршуны. Привыкнув видеть их изредка и все-таки осторожными, поражаешься обилию птиц и полному безразличию к близости человека. Коршуна видишь сидящим на ограде, на уличном столбе. Остановился рядом – никакого внимания, продолжает охорашивать перья или сидит, раскинув от жары крылья. Иногда видишь вдруг в небе круговерть коршунов – что-то заметили и сейчас начнут пикировать вниз. Бесстрашие птиц, их прекрасная ориентация в шумном потоке улицы поразительны. В самом центре города прямо из-под колес нашей «Тойоты» коршун попытался что-то схватить. Пауза для броска была так мала, что взлетевшая птица распластала крылья перед самым ветровым стеклом. Мы испугались, а коршун ничуть – спокойно полетел над лужайкой, на лету склевывая что-то, зажатое в лапах.

В Дели живут примерно пять тысяч коршунов. По расчетам биологов, это в двадцать два раза выше средней плотности обитания их в природе. Что привлекает их в городе? Во-первых, обилие пищи – множество всяких отходов и особая терпимость, точнее сказать, безграничное уважение индийцев ко всякому проявлению жизни. Корм коршуны на-

ходят на свалках, в мусорных кучах, во дворах, возле всяких харчевен. Некоторые постоянно держатся возле рынков, где прямо на глазах покупателей разделявают рыбу и кур. Все, что остается, буквально из-под рук уносится коршунами. Нахальство этих птиц не знает предела. Во время свадеб и всяких торжественных застолий на свежем воздухе коршуны получают свою долю, не довольствуясь отбросами, – хватают из-под носа курятину, фрикадельки, печеные сладости. От них лишь отмахиваются. Никто не бросит в коршуна камень и, уж конечно, не выстрелит.

Птицы принимают это как должное. И если кому-то придет в голову их слишком уж резко шугнуть, запоминают обиду. Владимир Галушин рассказал, как коршуны мстили ему за то, что он полез поинтересоваться их гнездами. «Во-первых, самка, сидевшая на яйцах, не улетела, мне пришлось буквально спихивать ее с гнезда. А во-вторых, птицы стали одна за другой пикировать на меня сзади и довольно основательно поцарапали голову. Мало этого, они хорошо меня запомнили, отличали в толпе, выследили, где я живу, и, как только я появлялся, норовили атаковать или возбужденно кричали, не упуская меня из виду в потоке идущих».

Видя мой интерес к птицам, друзья в Дели наперебой старались мне рассказать любопытные случаи.

– А хочешь вот прямо сейчас покормить коршунов? – спросил Шерзод Гузаиров.

– А прилетят?

– Они меня знают. И будут через минуту.

Мы поднялись на крышу дома с куском подпорченной жареной колбасы. Через минуту к вытянутой руке Шерзода спикировала первая пара коршунов. Кусочек подброшенной вверх еды был схвачен цепкими лапами. И второй – тоже. Еще через минуту над нами в крутых виражах, в нырках и в взмывании круто вверх вертелось уже десятка три птиц. И они прибывали. Крик, похожий на смех и ржание жеребенка, сопровождал состязание завладеть в воздухе кусочком еды. Удачливого атаковали, и, случалось, едой овладевал новый счастливец. Через две-три минуты не менее семидесяти крупных красивых птиц участвовало в воздушном хороводе. Оповещение о возможности покормиться осуществляется просто. Парящие в воздухе птицы видят, как соседние летуны с криком снижаются и с обширной площади неба над городом, как в воронку, устремляются к месту кормежки. Похоже, птицам нравилась воздушная карусель, нравились гимнастические номера с маленьким призом самым удачливым.

Колбаса в руках Шерзода кончилась скорее, чем у меня пленка. И сразу ослаб интерес у крылатой компании к вершухе нашего дома. Пять-шесть коршунов, обманутых выбросом руки без подкрепления угощением, вслед за всеми покинули «злачное место», исчезли так же быстро, как появились.

Коршуны живут во многих южных городах мира. Но толь-

ко в Дели их можно увидеть в таком обилии.

- **Фото автора. 4 – 7 февраля 1994 г.**

Птица в сорочке

Окно в природу

Сороку ни с кем не спутаешь. Сорока всегда на виду. Не маскируется. Напротив, контрастное ее оперение – вызывающее, и стрекотание тоже всегда выдает. Услышав сороку, лес притихает: что-то увидела, надо быть осторожным... Сороки капитально обжили Землю...

* * *

Денек серенький. Мысли о житье-бытье тоже какие-то одноцветные. Утонувшая в снегах деревенька не радует глаз, и, кажется, нет ничего, способного ободрить путника. Есть! Вот с жерди над покрытой снегом копенкой слетела сорока и, распустив угольно-черный хвост-веер, круто взмыла и села у дороги на тополь – что-то разглядывает в крайнем дворе. И ты замедлил шаги – полюбоваться нарядной, опрятной и жизнерадостной птицей, словно бы созданной для того, чтобы украсить начальный серенький день февраля. Сорока между тем бодро прошлась по коньку крыши и, нырнув вниз, оставила на сугробе пальчатый отпечаток крыльев. Минут-

ное наблюдение за красавицей что-то шевельнуло в душе, как будто к губам поднесли ложку мгновенно действующего лекарства...

Сороку ни с кем не спутаешь. Все знают заметную птицу с детства – городские люди сначала по книжкам, а деревенский трехлетний малыш поразил меня, указав пальчиком на сидевшую у плетня птицу: «Саёка...»

Я видел их всюду в нашей стране (в Омской области стаями по несколько сотен). В Осло сорока прилетала на балкон гостиницы, в которой я жил, и, склонив голову, наблюдала: что это я делаю за столом? Встречал сорок я в Африке и во Вьетнаме – на пальмах. Удивился, что нет их в Америке. Их действительно нет, но только в восточных штатах, а в западных – пожалуйста! В Вайоминге сорока села небожливо прямо у колеса нашей машины. Была она точно такой же, как встреченная мною неделю назад в подмосковной деревне. А вот на Аляске сороки чуть-чуть иные. Белизна у них очень заметна также и на плечах. Но самое главное, голос у сорок не «жестяной», а мелодичный, похожий больше на пение, чем на крик.

Это заметил еще Григорий Шелихов, описывая мир, увиденный им двести десять лет назад. Впрочем, сороки всюду способны петь. Негромко, как бы стесняясь, они изливают душу в шепелявом бормотании-всхлипывании, предназначенном лишь для избранных своего племени.

Сорока – великолепный строитель. Ее гнезда обнаруживаешь, когда лес потеряет листву. Висят на ветках, как мохнатые шапки, и кажутся легкими. Но, запустив в гнездо руку, находишь в жилище плотный глиняный пол, а под ним шарообразный шатер из веток, охраняющий дом от всех, кто хотел бы в него проникнуть с недобрыми целями. Строительство гнезд у сорок идет споро. И они, как правило, не стремятся повторно его использовать. Вывели птенцов – и про-

щай! Гнездо остается неумехам – совам, куницам, маленьким соколам – и служит несколько лет.

Жилище с появлением в нем яиц сороки стараются ничем не выдать. Тщательно оглядевшись со стороны, они ныряют в гнездо безмолвно. И покидают тоже без шума и незаметно. Раньше сорочье гнездо встречалось чаще всего в стороне от мест, где присутствует человек, – в овраге, в колючих зарослях, на опушке, но в последние годы осторожные и в то же время смелые птицы строят гнезда прямо в лесном поселке, выбрав погуще деревце как раз над головою проходящих людей. И это, как видно, оказывается более выгодным – люди обнаруживают гнездо осенью, когда оно уже пусто, а все, кто может сорок обидеть, боятся близости человека.

* * *

Сама сорока – обидчица очень многих. Стоит ей заприметить чье-то гнездо – в тот же день оно опустеет, ворует сорока яйца, уносит птенцов. В Приокско-Террасном заповеднике, где однажды осенью я работал, из курятника стали исчезать яйца. Мы терялись в догадках, вычисляя грабителя. Оказалось – сорока! Может пострадать от сорок новорожденный зайчонок, ловят они мышей и ящериц, на корм малышам таскают множество всяких жуков и гусениц, уравновешивая воровство «делами добрыми». Но это все точка зрения человека. Птичий же мир сороку рядом не терпит,

стараясь гвалтом обратить ее в бегство. Но и сами сороки не терпят разбойников покрупнее себя. Стоит им обнаружить сову – начинается шумный митинг. Сороки так увлекаются, что забывают свойственную им осторожность. В охотничьих хозяйствах, где сорок хотят извести, устраивают охоту с филином. Подсадную сову помещают где-либо на видном месте и стреляют сорок из укрытия.

Есть у белобокой щеголихи странная слабость ко всякого рода блестящим вещичкам – носит в гнезда кусочки фольги, стеклышки, пуговицы, могут заинтересовать птицу лежащие на подоконнике часики или колечко. Одним словом, сорока-воровка.

Зимой сороки покидают лесные опушки и овражные заросли, прибываясь поближе к людям, где прокормиться полегче. Но на ночь деревню они покидают. На закате часто можно увидеть мерцающий полет сорочьих стаяк. По направлению полета можно безошибочно определить, где деревня, а где лесная укромность.

Для ночлега белобокие птицы выбирают нестарые ельники и, прежде чем в них нырнуть, совершают «вечерний молебен» – одни неподвижно сидят на елках, другие перепархивают, издавая спокойные приглушенные звуки, означающие: «Опасности нет! Отбой!» И друг за другом ныряют в еловую темноту.

Считается, что весну приносят в наши края грачи. Но предчувствие ее первыми обнаруживают вороны и сороки.

Вороны уже в конце января начинают воздушные игры. А когда под солнцем засияет февральский снег, наступают праздники у сорок. Токуют они над полем вблизи лесков – взмывают кверху и ныряют, сближаясь, вниз, снова взмывают. Тишина. Небо синее. И на нем – росчерки птичьего танца: черные фалды хвостов и белее снега – сорочки.

• **Фото автора. 11 февраля 1994 г.**

Отчего медведь пляшет

Окно в природу

С улицы слышался стук барабана. Мы вышли и увидели мальчугана с двумя обезьянками. Он сразу же сел перед домом и начал маленькое представление. Постукивая в барабан и орудуя палочкой, мальчишка заставлял обезьянок ходить на двух лапах по кругу, танцевать, приседать. Пять минут – и артист пошел дальше, оповещая улицу барабаном.

Повсюду в Дели увидишь заклинателей змей. Внимание к зрелищу они привлекают звуками дудочки. И несколько раз я видел бродячих артистов с медведями. На ярмарке в Кулу все время теснилась толпа возле занятой пары – человек почти голый, а медведю невыносимо жарко в гималайской угольно-черной шубе. Медведь проделывал всякие чудеса, вызывая гром хохота. Специально для фотографа бы-

ла показана программа особая. А у Джайпура, возле дороги, мы увидели пару медведей с мальчишками-дрессировщиками. Тут представление сопровождалось клубами пыли. Ловко орудуя палками, два повелителя заставляли медведей полностью выложиться – звери вразвалку ходили по кругу, плясали и так азартно валялись, как будто на них опустился рой пчел. Представление закончилось требованием «большого бакшиша». Но и четверть его была хорошей наградой артистам. Мальчишки, сунув за пазуху деньги, поспешили вознаградить и медведей – дали им по банану. Это был «пряник», который действует наравне с «кнутом» (палкой) при всех дрессировках – в больших цирках и у бродячих одиноких артистов.

Представление с медведем – старейшее на земле. Сейчас оно стало экзотической редкостью. В минувшем году дрессированных медведей я видел на стамбульском базаре и в разных районах Индии. Между тем в прошлом веке «вожде-ные медведей» по ярмаркам и праздничным скоплениям людей было в России очень распространенным, настолько распространенным, что оставило след в литературе. Вспомним пушкинских «Цыган», где молодому Алеко советуют заняться достойным ремеслом – «хождением с медведем». Все помнят Некрасовский стихотворный сюжет с генералом Топтыгиным – медведь в санях, которого станционный смотритель принял за важную персону. «Видит, ноги в сапогах и медвежья шуба, не заметил впопыхах, что с железом губа».

Почти наверняка историю эту поэт взял из жизни. В России было несколько мест, где пойманных в лесу медвежат растили и обучали на потеху людям незатейливым номерам — медведь мог изобразить, как ходит пьяный мужик, как бабы полощут белье, а ребятишки воруют горох. Хорошо умели медведи, как и в Индии, под бубен приплясывать. Такого рода медвежья школа существовала в городе Сергаче Нижегородской губернии. Городок существует поныне. И название свое имеет, скорее всего, от слова «серьга», которую продевали в ноздри медведям и за которую цепляли повод-веревку. Еще один центр обучения медведей был в белорусском местечке Сморгонь. Медвежат в «сморгонскую академию» доставляли десятками. Тайны их обучения разным веселым фокусам к нам не дошли. Но известно, как обучали медведей танцам. Вот свидетельство. «Подростших медвежат помещали в клетки с медным или железным полом, под которым разводили костер. Пол нагревался, и медведь, обжигаясь, начинал переминаться с ноги на ногу, как бы танцуя. Эти движения дрессировщики сопровождали ударами в бубен. Несколько уроков такой учебы в мозгу медведя крепко связывали невольный танец с ударами бубна, настолько крепко, что стоило потом чуть тронуть бубен, как медведь начинал танцевать».

Жестокими средствами удалялись у зверей когти. Медведь — зверь добродушный, но, по мнению дрессировщиков, коварно-непредсказуемый — добродушие может в любое мгновение смениться агрессией. От зубов медведя защищаются намордниками. (Обратите внимание, в цирковых представлениях львы, тигры, пантеры намордников не имеют, носят их только медведи. Всегда в намордниках медведи и у бродячих артистов.) Но есть у медведя еще и когтистая лапа, которой он запросто может оскальпировать кого угодно. Этой возможности в «медвежьих академиях» зверей лишали. «Зверя в клетке заставляли несколько дней голодать. А потом бросали ему селедку или же солонину. Наевшись, медведь сильно страдал от жажды. Но вместо воды в клетку ставили плошку с сивухой. Охмелевший медведь засыпал. Под этим «наркозом» зверя варварским способом лишали когтей».

Все «торжество» человека над хищниками под куполом цирка достигается множеством разных приемов, в том числе и добрым, ласковым обращением, настойчивостью и терпением в дрессировке, использованием природной любви животных к игре и некоторых врожденных повадок. Заяц, например, любит колотить передними лапами, и потому во всех представлениях он неизбежно выступает барабанщиком. Вороны не боятся огня, и есть цирковой номер, в котором ворона зажигает спички.

Но самое распространенное средство при дрессировке все-таки «кнут» и «пряник». Причинить боль, заставляя что-либо сделать, и вознаградить за удачу кусочком лакомой пищи – вот путь к успеху. При этом, конечно, от дрессировщика требуется мужество. Звери хорошо чувствуют подавляющую их силу и смелость, так же как чувствуют слабость, оплошность и трусость. Когда вы видите встающих на задние ноги лошадей, не думайте, что они это делают из любви к одетому в костюм с блестками человеку. Нет, они не раз испытали боль от колючего предмета в его руке. И достаточно движенья руки с этим предметом, чтобы лошадь поднялась на дыбы и балансировала на задних ногах. Кстати, это эффектное положение для лошади не так уж трудно принять – в природе жеребцы, сражаясь друг с другом за право водить табун, проделывают цирковые номера, стараясь противника укусить или ударить копытом. Еще успешней это сделал бы лось, у которого главное оружие – передние ноги. Но лось плохо переносит стрессовые ситуации и погибает от разрыва сердца. Возможно, поэтому мы в цирке лосей не видим.

Не платит ли дрессировщик за унижение зверя, за подчинение своей воле? Случается. Профессор Гржимек, бывший сам хорошим дрессировщиком и много внимания уделявший зоопсихологии, в своих книгах приводит любопытные

сведения. «Господин Штром (цирковой администратор) поведал мне о старых цирковых происшествиях. Так, в ноябре 1886 года французскую дрессировщицу Нума-Суле разорвал ее любимец – лев Брут. Двумя годами позже погибла Берта Баумгартен по вине бенгальского тигра. Бетти Хемпель погибла в 1889 году, Эмиль Шлепфер – в 1886-м, Паулина Рассел в 1910 году в Нью-Йорке была разорвала леопардом... В 1942 году в одной только Германии зафиксировано шесть несчастных случаев по вине хищных животных, некоторые со смертельным исходом. Шнайдер, работавший с неподражаемым юмором и безмятежно расхаживавший среди тридцати львов, словно среди детей в детском саду, умер... иску-санный львами».

Такие вот пироги. Признавая силу, покорный дрессированный зверь все же чувствует унижение и мстит за него при малейшей возможности. Вот почему в «медвежьих академиях» зверей лишали когтей, а иногда и клыков и без намордника зверя к людям не выводили.

• **Фото автора. 18 февраля 1994 г.**

Слезы по крокодилу

Окно в природу

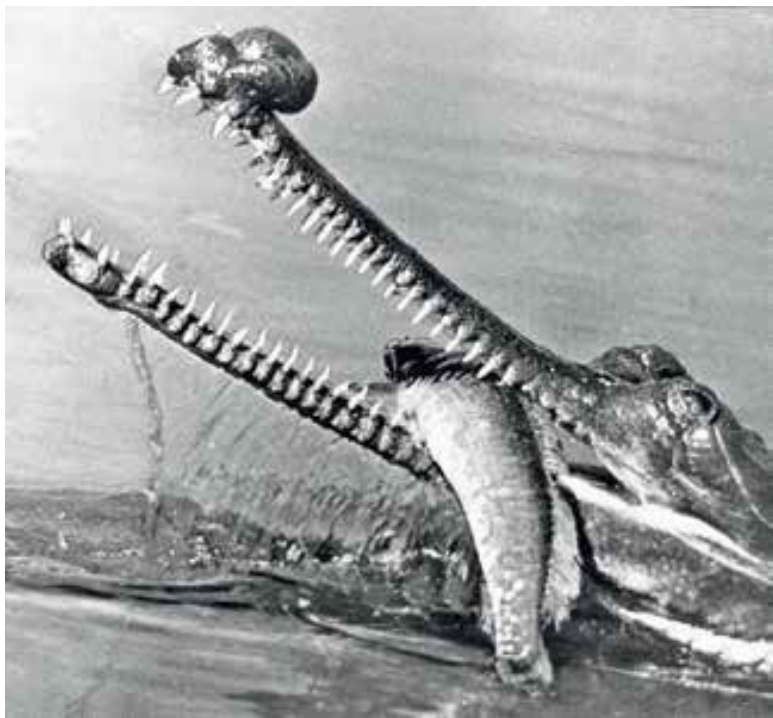
Я спросил Нареша: можно ли увидеть гавиала?

– А сколько времени вы собираетесь пробыть в Индии? –

Получив ответ, мой друг улыбнулся: – Фильм об этих животных мы с братом снимали три года. Иногда появления гавиала ждали неделями.

Гавиал – один из двадцати с лишним видов крокодилов, обитающих на Земле. Древность невообразимая! Предки гавиалов жили в реках Индии двести миллионов лет назад. С тех пор многое изменилось. Моря стали сушей, реки меняли русла, иной стала растительность, появился и все подымал под себя на Земле человек, а крокодилы, современные динозавров, какими были, такими и остались. Гавиал среди них – самый крупный, некоторые экземпляры достигают семи с лишним метров. Экое чудище, скажете вы, на реке, наверное, никому житья не дает? Крокодилы действительно малоразборчивы, хватают всякого у воды и в воде. Это единственные из животных, которые не исключают людей из объекта своей охоты. Однако гавиал для людей не опасен. Пища его – почти исключительно рыба. Длинный и узкий нос гавиала, похожий на палку, усаженную зубами, – прекрас-

ное орудие рыболова. Щелкнули челюсти, и рыба в капкане. Всплыв, гавиал потрясет ее в «клюве», так чтобы в горло пошла головою вперед, если великовата – перекусит и заглотит частями. Резвые выдры, хорошо знающие, что может гавиал, а чего не может, позволяют себе дразнить крокодилов.

Гавиал лакомится.

– Смотрите внимательно, что сейчас будет... – трогает меня за руку Нареш, с которым мы смотрим фильм в его доме.

Поразительный эпизод. Две речные выдры, увидев лежащего на отмели гавиала, дерзко решили с ним поиграть – подкрались сзади и укусили за хвост. Сверкание брызг! Но шалуны уже успели отскочить в сторону и, довольные своей проделкой, наблюдают за разбуженным великаном.

Ни выдра, ни кто другой на реке гавиалу не страшен. Но как огня боится он человека. Пригревшись на солнце, крокодил засыпает. Однако все слышит. И при малейшем подозрительном шорохе устремляется в воду. Человек страшен стал крокодилам с появлением ружей. Если раньше молодые гавиалы погибали лишь в рыбацких сетях, то в последнюю сотню лет, охотясь за дорогой шкурой, человек посылает в лежащего великана тяжелую пулю. Богатые люди били гавиалов просто для развлечения. Нареш рассказывает о радже, который, пристреливая ружье и тренируя глаз, однажды за день убил сто гавиалов. Но это не все. Растущее население Индии осваивает ранее пустынные берега рек. На песчаных пляжах, где гавиалы грелись, теперь загорают туристы или ходят коровы. По многим рекам почти непрерывно плывут бамбуковые плоты, появилось много плотин, нарушивших водный режим. За четыре десятка лет произошло столько губительных перемен, что гавиалы, прожившие на Земле многие миллионы лет, стали исчезать на глазах. В 30-х годах в Инде и в реках его бассейна еще жили тысячи этих ре-

ликтов. Но в 60-х их насчитали всего три сотни. Спешным законом охота на крокодилов была строго запрещена, запретили торговлю изделиями из крокодиловой кожи. Но оказалось, не так-то просто было помочь гавиалам выжить. Даже в благоприятных условиях лишь один крокодильчик из ста, вылупившихся из яиц, доживает до взрослого состояния – половодье уносит малышей в море, а в реках гавиальчиков караулят крупные рыбы и хищные птицы.

Выяснилось также: образ жизни древнейших обитателей Земли мало кому известен. Натуралист Нареш Беди с отцом и братом, вооруженные кинокамерами, взялись проследить скрытую жизнь крокодилов. Что же узнали? В первую очередь, что гавиалам почти негде жить. Все песчаные отмели посещаются людьми, и пугливым рептилиям стало негде не только согреться, но и сделать кладку яиц. Впервые фотокамера запечатлела интимную жизнь гавиалов – их брачные игры в воде и заботу о детях.

«С наступлением сумерек, – рассказал Нареш, – самка вышла на берег и стала рыть ямы в песке. Работала часа два. Потом более получаса, напрягаясь и издавая стонущие звуки, она клала по ямам яйца. (Молодые самки кладут два-три десятка яиц, старые – до сотни.) Потом мы наблюдали, как крокодилица пять часов, сначала осторожно, потом всей тяжестью тела, терпеливо утрамбовывала песок. Это необходимость, ибо шакалы, по запаху найдя кладку, могут ее раскопать. Ближе к рассвету обессиленная работница уползла

с песка в воду».

Яйца крокодилов ранее собирали люди, считая их целебными. А кроме людей и шакалов, кладки, как выяснили Нареш с братом, могут уничтожать и крысы. Они прокапывают ход сбоку, трамбовка им не помеха. Крокодилы, правда, все время где-нибудь рядом. И если шакала они еще могут прогнать, то против крыс совершенно бессильны. Так было всегда. Но при числе гавиалов во многие тысячи их роду убыль естественная не угрожала. Теперь же – «свеча на ветру», потушить ее очень легко.

Если с кладкой ничего страшного не случилось, в урочный час родители-гавиалы начинают улавливать звуки, исходящие из песка, и ночью самка торопливо ползет к заветному месту. Бережно раскапывает она песок, ревниво отгоняет папашу и других гавиалов, которым не терпится увидеть новорожденных. По отлогому склону ямы малыши выбираются на песчаную косу и скорее, скорее к спасительной воде.

Жизнь этой молодежи, сразу готовой ловить рыбешку, проходит под присмотром родителей. «Иногда, – рассказывает Нареш, – папа или мамаша катают малышей по водной заводи. Посмотрите, как это все происходит...» Но не от всех опасностей могут взрослые крокодилы оградить молодняк. Чтобы помочь гавиалу выжить, разработана большая программа, по которой яйца из кладок забираются в инкубатор. Вылупившихся крокодилчиков растят до нужной поры и выпускают в нужном месте. Гавиалы – животные терри-

ториальные. Достигнув зрелости, молодежь в половодье, подобно бобрам, пускается в странствия – ищет для себя территорию. «Вся беда в том, что территорий таких становится меньше и меньше, – говорит Нареш, – и потому тревога за этих старожилов Земли не исчезает. Пока их численность по-прежнему не превышает трех сотен».

Бедственное положение гавиалов – один из символов умирания природы по вине человека.

• **Фото из архива В. Пескова. 11 – 14 марта 1994 г.**

Зима без полетов

Таежный тупик

В последнее время в редакцию «Комсомольской правды» поступают запросы. Что случилось с Агафьей Лыковой? Чем вызваны призывы в газетах и по радио срочно жертвовать деньги? Кто такой Лев Черепанов, ведущий эту кампанию? На что предназначены деньги? Вопросы законные. Они требуют ответов и пояснений.

Сначала о «ведущем кампанию». Невозможно перечислить все газеты («Сельская жизнь», «Лесная промышленность», «Труд», «Народная газета», бывшая «День», разные областные газеты и даже районные), где за подписью Черепанова вот уже несколько лет прокручивается один и тот же мотив на тему о таежниках Лыковых. Все сужено до примитивных спекуляций и подтасовок. В тупик Лыковых загнала, мол, коллективизация. Геологи заразили Лыковых, и те умерли. Строят для Лыковых не так, как надо, снабжают не тем, чем надо. Песков писать не умеет и пишет не так, как хотелось бы Черепанову. Непременно находится какая-нибудь очередная вина для Ерофея Седова, сделавшего для Лыковых, между прочим, столько, что, проживи Черепанов еще сто лет, он и маленькой доли того не сделает. Случается,

уже напечатанная заметка несется в другую газету, и, странное дело, печатают.

Вся эта «Агафьяда» может повеселить. «Надо же человеку как-то кормиться», – сказал нам один из редакторов. Небезобидными, однако, являются откровенная ложь и клевета, которыми Черепанов пользуется не раздумывая. Ерофея Седова, пользуясь сплетнями, он зачислил в любовники Агафьи. Чего стесняться – Агафья газет не читает. Ерофей же не вылезает из леса. А сейчас ведь чем крепче закрутишь,

тем охотнее напечатают. И действительно, печатает непристойный вздор вполне серьезная газета. А у Ерофея – жена, дети, внуки.

Савушкин, без которого не обходится почти ни одно черепановское творенье, выглядит в них форменным вредителем жизни Агафьи, и место ему ну никак не иначе, как только в кутузке. А Песков «дошел до того, что показывал Лыковых в «Мире животных». (Разговор-то был в «Очевидном – невероятном».) Входя в раж, «корреспондент всея газет» договорился недавно до того, что, мол, «Комсомольская правда» опубликовала рассказ о Лыковых, чтобы их репрессировали. Так прямо и написано. Читателей «Таежного тупика» много. Есть ли среди них хоть один, кроме Черепанова, кому бы пришел в голову этот вздор?

Двенадцать лет общаясь с Лыковыми, мы старались помочь им всем, чем могли. Не считаем нужным говорить сейчас о том, в чем состояла помощь. Делалось все на средства Комитета леса Хакасии, на средства книжки, изданной «Комсомольской правдой» в пользу Агафьи, и на наши личные скромные средства. Никто нас к этому не обязывал. Делали и делаем это, руководствуясь человеческой совестью и милосердием. И потому считаем оскорбительными беспардонные поучения и прокурорский тон, непонятно по какому праву усвоенный Черепановым: не так сделано, не то привезли, не туда положили.

О деяниях самого Черепанова и разных его газетных худо-

жествах мы сочли необходимым рассказать 6 марта в «Труде», объяснив журналистам и читателям этой газеты, с кем они имеют дело. Тут же лишь упомянем о безрассудной затее подселения к Агафье людей, о затее, нанесшей глубокую травму женщине из Подмосковья и самой Агафье. Об истории этой Черепанов помалкивает. Зато о другой затее говорит много и с гордостью. Поскольку она имеет отношение к вопросам наших читателей, скажем о ней подробнее.

Речь идет о «радиобуе», как в обиходе называют приборчик, с помощью которого можно подать сигнал бедствия через спутник. Система эта сегодня хорошо известна. И мы, признаемся, тщательно обсуждали, не снабдить ли приборчиком хижину в Тупике? Но, взвесив все за и против, пришли к выводу, что будет от этого больше вреда, чем пользы. Во-первых, «буй» породит у Агафьи иллюзию скорой помощи – дернул за веревочку, и вертолет прилетел, во-вторых, приборчик, как показал опыт, может и отказать. И самое главное: кто в нынешних условиях будет платить за вылеты по сигналам?

Черепанов такими комплексами не страдает. Он просто с придыханием описывает, как добывал «буй», как «выбывал» деньги на перевозку его. Знал ли он при этом, что у местной власти нет сейчас средств даже на недалекий санитарный вылет к больному ребенку? Опытный, не мог не знать. Но ему дела нет до того, кто и что в этой непростой ситуации будет предпринимать.

Агафья же – взрослый ребенок. Она сама определила время, когда надо «дернуть за веревочку». Вертолет прилетел. Прибыли обеспокоенные люди – милиционер, врач. «Что случилось?» Оказалось, заболела спина, дров не может напилить. Кто упрекнет дитя тайги? Напилили прилетевшие люди дров, дали какие-то таблетки. И улетели.

Дальше с неизбежностью нынешнего времени встал вопрос: кому оплачивать этот рейс? Чтобы разрядить ситуацию (ропота было много – «с одной возятся, а остальные – пусть помирают»), Комитет по лесу Хакасии оплатил этот рейс. «Не из своего кармана», – ухмыляется в писаниях Черепанов. Куда как удобная позиция, создав нешуточную проблему, со стороны поучать, требовать, негодовать.

Между тем полет по маршруту Абакан – река Еринат и обратно стоит сегодня шесть миллионов рублей (один час полета вертолета Ми-8 – миллион двести тысяч!). Лесному ведомству таких расходов никто, естественно, не планирует. Выход? Черепанов свою «Агафьяду» теперь снабжает призывами жертвовать деньги и «шапку» для этого держит возле своего московского дома – дает по радио домашний свой телефон. На вопрос собеседницы в интервью – когда, по его мнению, Агафья подаст сигнал бедствия? – отвечает, что где-нибудь в марте, «когда у нее возникнет авитаминоз». Что хочешь, то и думай по поводу таких заявлений.

Еще один любопытный факт. Плохое здоровье Агафьи – не новость. Позапрошлым летом, откликаясь на жалобы, мы

помогли ей слетать (бесплатно, с попутными вертолетами) на таежные горячие ключи. Черепанов в своих писаниях сейчас же взялся «клеить» сердобольного Ерофея Седова – подвергает-де опасности заразить Агафью гриппом. А что же мы слышим теперь? По «Маяку», по «Радио России» и еще бог знает по какому радио Черепанов умоляет жертвовать деньги. Для чего же? Для полетов, не удивляйтесь, на... горячие ключи.

Чтобы собрать миллионы «на вертолет», Черепанов живописует ужасы зимовки Агафьи. Мы знаем положение в Тупике не хуже Черепанова. И положение с вертолетами тоже хорошо знаем. Прошлую зиму на один час в Тупик удалось выбраться только благодаря облету стоянок охотников. А в этом году даже добытчики пушнины денег на вывоз охотников из тайги в нужном количестве наскрести не могли – часть промысловиков выбирались из тайги своим ходом.

О тяготах и трагизме житья в таежном одиночестве можно писать сколько угодно. И даже слезу читателей-слушателей можно выжать. Но что эти тяготы – неожиданны? Вряд ли есть человек, который не понимал бы драматических трудностей житья в таежном одиночестве женщины, отягощенной к тому же болезнями. И как будут развиваться дела с полетами в тайгу, тоже хорошо было видно. Единственно верным выходом из положения было бы присоединиться Агафье к родственникам-единоверцам. Еще четыре года назад мы ездили посмотреть на их маленькую деревушку в горах.

(Ни колхоза, ни телевизора!) Свозили туда и Агафью. Едва ли не на коленях родственники уговаривали ее остаться: «Не хочешь жить в деревне, построим избушку в таежной пустыни». Не согласилась, сказав, что «пúстынь для нее там, где родилась».

Сидя в хижине у Агафьи, мы часами объясняли мучительные трудности, с которыми она будет сталкиваться в одиночестве, особенно зимой. Тщетно. Агафья стояла на своем. В «Комсомольской правде» обо всем этом было подробно рассказано. Уважительно анализировались причины, по которым Агафья не хочет двинуться с родового места. И все же, мы думаем, доводы убедить Агафью поберечь себя и не создавать мучительных проблем для людей, ей сочувствующих, достигли бы цели, если бы все, кто с нею соприкасался, действовали одинаково. Но были решительные, мы бы сказали яростные, противники переселения Агафьи к родственникам. Главный из них – Черепанов.

О мотивах такой позиции можно только гадать. Необыкновенно много в своих газетных писаниях Черепанов говорит о пресловутой «группе научной общественности» с громкой претензией: изучать положение человека в уникальной ситуации. Со всей ответственностью заявляем: ни грана науки в этой фанаберии не было и нет! Один из доводов против присоединения Агафьи к родственникам таков: «она умрет там от гриппа». Доводом этим сообразительная Агафья не преминула воспользоваться. И мы вме-

сте с родственниками бессильны были что-либо сделать. И сколько же неуклюжего сарказма было вылито на наши головы. «Песков хочет околхозить Агафью!» – писал Черепанов в обычной своей манере.

Теперь «исследователь» почувствовал, что Агафья может погибнуть в своем одиночестве от болезней, от тягот зимы, и забегал в поисках миллионов «на вертолет». Не беремся судить, что может выйти из этой затеи. Сердобольные наши люди, делясь нищетою своей, может быть, и пришлют что-нибудь в «шапку» Черепанову. (Сомневаемся, что миллионы.) Но если даже удастся слетать в Тупик, когда «у Агафьи начнется авитаминоз», или заломает ее медведь, или повалят радикулит, воспаление легких, – что далее? Допустим, подлечат страдалицу. Куда Черепанов намерен ее определить? Во спасение от пресловутого гриппа опять в избушку на Еринат?

Во всей истории, связанной с жизнью в скиту, счастливого конца быть не могло. Исключительность случая, взволновавшая всех нас драма людей предполагают, конечно, исключительный к ней подход. Мы поддерживали и поддерживаем все, что во благо оказавшегося в одиночестве человека. Но без спекуляций, без вздорных претензий на «изучение Агафьи». Устройство «воздушного моста» стоимостью во многие миллионы для одного человека при нынешней бедности и неустроенности людей мы не считаем ни моральным, ни богоугодным. Как быть? По-прежнему полагаем: са-

мым благоразумным было бы Агафье Лыковой приблизиться к родственникам. Они ее ждут, примут с радостью, «готовы, коль пожелает, построить ей скит вблизи от деревни». Агафья не вполне понимает всех трудностей оказания ей помощи в нынешних наших условиях. Все же надо попытаться еще раз спокойно ей все объяснить. И мы в этом просим присоединиться к нам главу нынешней старообрядческой церкви.

• Фото В. Пескова. В. Песков, Н. Савушкин, председатель Комитета леса Республики Хакасия. 12 марта 1994 г.

Млечные тайны

Окно в природу

Утренний стакан молока. Можно, как в детстве, макнуть в него хлеб и, как в детстве, порадоваться вкусу «молочной тюри», хотя молоко из пакета не такое, как было в детстве.

Что мы знаем о молоке? До девяноста процентов воды, остальное – жиры, белки, сахара, витамины, множество разных химических элементов – скомпонованные в чудесное соединение, дающее самую полноценную пищу множеству организмов, объединенных в высший класс живого мира земли – млекопитающие. Всего их 6000 – верблюды, кошка, кит, человек, еж... Все, появившись на свет, припадают к соску с молоком, и все нужное для здоровья, для роста новорожденного есть в молоке. И если животное с этой пищей прощается по мере взросления, то человек, отлученный от материнской груди, с молоком не расстаётся всю жизнь, сделав из некоторых животных «фабрики молока».

У разных народов молочную дань человеку платят верблюды, яки, кобылицы и буйволицы, козы и, конечно, коровы, заслужившие кое-где поклонение. Масаи в Африке благосостояние свое определяют числом коров. В Индии корова – животное священное, употребить мясо коровы в пищу

для индийца немыслимо – только молоко! В русских деревнях корову называли кормилицей. В Швейцарии корову холят, украшают цветами и нарядными звучными колокольцами. Именно тут выведены породы коров, дающие три ведра молока в сутки. И есть среди них рекордсмены. Одна корова швейцарской породы в Канаде давала в год двадцать тонн молока. (В среднем пять с половиной ведер в день.) А летний суточный рекорд принадлежит корове по кличке Вена ярославской породы – восемь десятилитровых ведер! Однако если соотносить выделение молока с весом животного, то рекордсменом надо считать мышей. У них в момент появления приплода молоко составляет пятую часть веса тела.

* * *

Для человека молоко в питании – такая же ценность, как хлеб. Русский поэт писал: «Мне много ль надо – краюшку хлеба, да каплю молока, да это небо, да облака». Но молоко это не только что можно выпить. Это еще и масло, творог, сыр, сметана, простокваша, мороженое. И вкус продукта из коровьего вымени ценят не только люди. Поставьте перед кошкой блюдечко с молоком, и вы увидите, как резво работает розовый язычок. Змей индийские заклинатели кормят яйцами и молоком. У меня есть снимок: корову «доят» четверо поросят. В разных местах разные люди мне рассказывали, что видели, как на водопоях и на лугу к корове под-

ползает иногда уж и сосет молоко. Такие рассказы принимаешь на веру без сомненья, так же как и рассказы о том, что вараны на азиатских пастбищах доят коз – «оплетает ноги хвостом и с жадностью опустошает вымя».

Молоко у шести тысяч млекопитающих различно по вкусу, жирности, по составу входящих в него веществ. Но оно всегда белое. Цвет молока определяется находящимся в нем белком. Белка больше всего в молоке у крольчих (пятнадцать процентов), у китов и северных оленей (двенадцать и десять процентов). Что касается жирности, то наименьшую имеет молоко кобылиц (зато высоко содержание сахара, и потому из кобыльего молока готовят целебный кумыс). Наивысшая жирность молока у китов и тюленей – сорок пять и пятьдесят три процента. Потом идут северные олени и зайцы, у которых молоко так питательно, что обеда зайчонку хватает на два-три дня.

Вкуснее маминого молока нет!

Из чего и как молоко образуется? Нам, привыкшим видеть корову или козу, воображение подсказывает некое таинственное превращение травы или сена в белую жидкость. Но тигр, собака, волк, кошка, кит травой не питаются, а молоко у них примерно того же состава, что и у коз, оленей,

верблюдов, коров. Медведицы в спячке вовсе питаются перестают. Но в берлоге родившийся медвежонок кормится молоком. Тайна образования молока сейчас раскрыта. Выяснено: «сырьем» для него является кровь. Столь непохожие друг на друга вещества – молоко и кровь – состоят из одних и тех же компонентов. Молочная железа их просто группирует в разных количествах и пропорциях, увеличивая, например, присутствие сахара в молоке в девяносто раз, жиров в двадцать, кальция в четырнадцать раз. Попадают в молоко витамины, антибиотики, минеральные вещества. И чем бы животное ни питалось – травой, зерном, мясом, рыбой, – кровь отдает молоку все, что надо, и в нужном количестве. Процесс этот тонкий, в основе его лежат химические реакции, проходящие с помощью ферментов-катализаторов. И лучше всего он изучен на примере организма коров.

Скучно в городе без коровы.

Исследованы явные и тайные пружины этого процесса. Чтобы он шел непрерывно, через молочную железу коровы каждую минуту должно проходить три с половиной литра крови (в сутки – пять тонн!). Специальные клетки железы «отжимают» из крови все молочные компоненты и по протокам подают готовый продукт в «цистерну» – у коровы она называется выменем. А тут уже либо теленок губами, либо доярка руками, либо машина с вакуумными пульсирующими трубками отсасывает молоко. Избыток его в «цистерне» доставляет коровам страдание. Рассказывают, что во время войны в селеньях, брошенных людьми, коровы бегали за солдатами – подоите!

Механизм выделения молока у разных животных во многом сходен: железа — протоки — соски. Но китенку в воде сосать молоко трудно. Оно впрыскивается ему в рот под давлением. А есть животные, у которых сосков вовсе нет. К ним относятся яйцекладущие млекопитающие — утконос и ехидна. Вылупившись из яйца, утконосик кормится молоком, стекающим по волоскам с разных мест живота матери. Сосков тут нет. У этих животных мы наблюдаем законсервированную раннюю стадию эволюции млекопитающих. Скорее всего, у многих животных выделение молока проходило вначале похожим путем. По рудиментам (соски у мужских особей, включая и млекопитающего — человека) можно судить, что когда-то детенышей молоком могли кормить и самцы. Пословица «От быка молока не дождешься» в ветхозаветные времена эволюции родиться бы не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.